

КУСТАНАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Л.Н. ТОЛСТОЙ

Материалы межвузовской научной конференции,
посвященной 50-летию со дня смерти писателя

Кустанай—1961

КУСТАНАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Материалы межвузовской научной конференции,
посвященной 50-летию со дня смерти писателя

Кустанай – 1961

Редакционная коллегия:

Кандидат филологических наук **Б. С. Бесчевы-
ных**, доцент, кандидат исторических наук **Б. М.
Вольфсон**, кандидат исторических наук **К. Г. Га-
зизов**, кандидат исторических наук **И. Т. Гри-
щук**, доцент, кандидат филологических наук
В. П. Раков, доцент, кандидат филологических
наук **Л. Н. Рыньков**, кандидат педагогических
наук **А. М. Саввин**.

Редактор сборника — доцент, кандидат фило-
логических наук **В. П. Раков**.

ОТ РЕДАКЦИИ

28—30 ноября 1960 года при Кустанайском педагогическом институте состоялась межвузовская научная конференция, посвященная 50-летию со дня смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого.

В работе конференции участвовали научные работники семи педагогических институтов: Казахского имени Абая, Кустанайского, Уральского, Омского, Оренбургского, Ульяновского, Челябинского, а также Московского университета имени М. В. Ломоносова.

На конференции было заслушано и обсуждено 16 докладов и сообщений, из которых литературоведческим проблемам посвящено 13, лингвистическим — 2 и психологическим — 1.

Доклады и сообщения, представленные в настоящем сборнике, печатаются в переработанном виде.

ОБЛИЧИТЕЛЬ ИМПЕРИАЛИЗМА, БОРЕЦ ЗА МИР

(Вступительное слово зав. кафедрой литературы Кустанайского педагогического института доцента В. П. РАКОВА)

В великой книге тридцативековой истории мировой художественной литературы, наряду с именами Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Бальзака, золотыми буквами вписано и прославленное имя гениального русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Около ста объемистых томов, составляющих Полное собрание сочинений великого писателя, — таков результат его многолетнего напряженного труда. И какое поразительное богатство художественных образов, так ярко и полно запечатлевших жизнь русского народа в один из важнейших периодов его исторического развития — в эпоху подготовки первой русской революции!

«Толстой — это целый мир, — говорил М. Горький... — Не зная Толстого, нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».¹

Мировая литература не знает более сильного, страстного и последовательного разоблачителя буржуазного общества, чем Лев Толстой:

В. И. Ленин, давая глубокий анализ сильных и слабых сторон в творчестве писателя, отмечал: «Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку».²

Большое место в творчестве Толстого занимают его публицистические выступления против захватнических войн и колониального разбоя. Писатель решительно отвергал право одних народов на завоевание и закабаление других.

¹ М. Горький. История русской литературы. М., Гослитиздат, 1939, стр. 296.

² В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, том 16, стр. 323.

В статье «Так что же нам делать?» Толстой с возмущением рассказывает об оккупации английскими и американскими империалистами Полинезийских островов и о порабощении ими маленького народа — фирмжи. «Драма начинается с того, — пишет Толстой, — что американское правительство посыпает корабли с заряженными пушками к берегам островов, жителей которых оно хочет поработить. Предлог этой угрозы — денежный, но начало драмы с пушек, направленных на всех жителей: жен, детей, стариков». ¹

Американские империалисты любят кичиться отменой невольничества в США. На деле же это была лишь замена старой формы рабства новой формой закабаления негритянского населения. Такую отмену невольничества Толстой сравнивает с тем, что делали крымские татары со своими пленниками, когда разрезали им подошвы и насыпали туда рубленую щетину. После проделывания такой операции с пленников снимались колодки. «Отмена невольничества в Америке, — не без иронии говорит Толстой, — хотя и упразднила прежнюю форму рабства, не только не уничтожила самой сущности его, но была совершена только тогда, когда щетина в подошвах нарвала нарывы и можно было быть вполне уверенным, что без цепи и без колодок пленники не убегут и будут работать». ²

С большим интересом следил Толстой за национально-освободительной борьбой китайского, индийского, бирманского и других колониальных народов, оказывая им моральную поддержку в завоевании свободы.

Вспыхнувшая в 1889 году англо-бурская война приковала к себе внимание писателя. Толстой радовался победам буров, хотя, будучи сторонником непротивления злу насилием, и упрекал себя за эту радость. «Знаю, — говорил он, — что не следовало бы мне радоваться победам буров и огорчаться их поражениями, — они ведь с оружием в руках убивают английских солдат, — но ничего с собой поделать не могу. Радуюсь, когда читаю о поражении англичан, даже как-то на душе веселее становится». ³

Разоблачая грабительскую политику империалистических государств, которые «всегда стоят друг против друга с выпущенными когтями и оскаленными зубами», Толстой показывает, что войны огромной тяжестью ложатся на плечи трудящихся. «Деньги отбираются у большинства не столько, сколько нужно, а сто-

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание. (1828—1928). М., Гослитиздат. Том 25, стр. 261.

² Там же, том 34, стр. 169.

³ В.А. Поссе. Воспоминания о Л.Н. Толстом.—«Горьковская коммуна» 1940, № 267.

лько, сколько можно... и употребляются не для общей пользы, а на то, что считают для себя нужным правящие классы: на войну в Кубе и Филиппинах, на отнятие и удержание богатств Трансвааля и т. п.»¹

Как все это похоже на современную политику американских империалистов, увеличивающих с каждым годом и без того непомерно высокий бюджет на военные расходы, чтобы «усмирять» народы Азии, Африки, Латинской Америки, которые, по примеру героической Кубы, сбрасывают с себя империалистическое ярмо.

Совесть великого писателя не могла примириться с тем, что колонизаторы «не только самым явным образом нарушали и нарушают против покоренных народов... самые первобытные требования справедливости, но совершили и совершают всякого рода обманы, мошенничества, подкупы, подлоги, шпионство, грабежи, убийства...»²

Читая эти слова и сравнивая с тем, что происходит сегодня в Алжире, Конго, Лаосе, Южном Вьетнаме, мы невольно забываем о времени написания статей Толстого. Кажется, что они появились в наши дни, по живым следам преступлений современных колонизаторов и человеконенавистников,

Толстой срывает демагогическую маску с тех буржуазных правительств, которые торжественно провозглашают миролюбивые заявления, «но в тот же день, или на другой, они представляют в законодательном собрании предложение об увеличении вооружений и говорят, что принимают такие предосторожности именно для того, чтобы обеспечить мир».³

Толстой называет ложью всевозможные разглагольствования официальных буржуазных дипломатов о мире. «Никто не думает о войне, — иронически замечает Толстой, — но только миллиарды тратятся на военные приготовления и миллионы людей находятся под ружьем...»⁴ А вслед за этим начинаются итало-абиссинская война, агрессия в Китае, покорение Бирмы, жестокая расправа с туземным населением в Конго и т. д. Великий писатель приходит к выводу, что капиталисты не могут жить, чтобы не грабить другие народы. Таково их постоянное занятие: завоевывать, грабить, чинить насилие, убивать.

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юбил. изд., том 34, стр. 175
„ Цит. по кн.: Творчество Л. Н. Толстого. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 377.

² Там же, стр. 378.

³ Там же, стр. 380.

Наблюдая за варварским обращением завоевателей с покоренными народами, Толстой не может молчать. Он взывает к мировой общественности, он обращается к порабощенным империалистами народам. Узнав об истязаниях и убийствах, совершенных бельгийскими колонизаторами в Конго, Толстой сказал, что следовало бы написать специальную книгу, в которой предстали бы во всей полноте кровавые преступления «цивилизованных» варваров.

Толстой не видел, в чем кроются причины возникновения войн, и не знал, как их предотвратить. Он проповедовал теорию нравственного самоусовершенствования, отрицая всякие войны вообще. Но несмотря на эти заблуждения, писатель всею душою был на стороне трудового народа и страстно разоблачал империалистические проински буржуазии. Когда одна американская газета, в связи с начавшейся русско-японской войной, поставила перед писателем вопрос: «за кого он — за русских, японцев или никого?», — Толстой ответил, что он «за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительствами воевать против совести, религии и собственного благосостояния».¹

В последние годы жизни в творчестве Толстого наметился отход от реакционной проповеди непротивления и смирения. И совсем по-новому зазвучал его голос. Выступая в защиту мира и процветания всех народов, Толстой высказал убеждение, что войну смогут предотвратить только сами народы, что мир «может быть решен только людьми, которые не только болтают, но которые сами идут на войну».²

В связи с тем, что в печати стали появляться все новые и новые сообщения о грабежах и насилии в колониальных странах, Толстой с гневом и негодованием писал: «Спокойно смотреть на эти дела нельзя и не должно. Нужно все силы жизни употребить на борьбу с этим злом насилия».³

В разгар русско-японской войны Толстой выступил с пламенной статьей «Одумайтесь!», в которой голос писателя прозвучал с небывалой дотоле силой: «Да когда же это кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: «Да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить...»⁴

¹ Цит. по кн.: Творчество Л. Н. Толстого. Сб. статей. Стр. 394.

² Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юб. изд., том 72 стр., 116.

³ Цит. по кн.: Творчество Л. Н. Толстого. Сб. статей. Стр. 412.

⁴ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юб. изд., том 36, стр. 143.

Эти темпераментные, обжигающие слова, произнесенные гениальным писателем более полувека тому назад, и по сей день звучат призывом, обращенным к народам тех капиталистических стран, где вынашиваются чудовищные планы развязывания новой войны.

Страстная защита великим писателем интересов трудового народа, его постоянные выступления против империализма и колониализма, за мир и процветание всех народов снискали ему горячую любовь и признательность всего передового человечества, сделали его имя одним из популярнейших имен в мировой литературе.

Б. С. БЕСЧЕРЕВНЫХ,
кандидат филологических наук
(Кустанайский пединститут).

РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА О Л. Н. ТОЛСТОМ В БОРЬБЕ С РЕВИЗИОНИЗМОМ В СОВРЕМЕННОМ ТОЛСТОВЕДЕНИИ

Лев Николаевич Толстой всем своим творчеством определил себе исключительное место в ряду передовых писателей и мыслителей прошлого века. Он нарисовал широкие реалистические картины русской жизни, выступил как страстный и беспощадный обличитель крепостничества и царизма, полицейско-казенной церкви, чиновничьего произвола, приемов капиталистического грабежа народных масс. Им создана галерея положительных образов, в которых показана духовная, нравственная мощь народа.

«Толстой глубоко национален, — писал А. М. Горький, — он с поразительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики... Толстой это целый мир».

Творчество этого великого гения получило достойную оценку в высказываниях В. И. Ленина.

На тему «Ленин о Толстом» за годы Советской власти написано немало работ, в которых дается обстоятельный анализ суждений Ленина о Толстом. Здесь следует отметить работы Луначарского, Цейтлина, Кирпотина, Мейлаха, Благого, Бычкова, Наумовой и др. По существу, проблема «Ленин о Толстом» уже решена.

Но как бы полезны ни были подобные работы, они не могут отменить необходимости дальнейшего исследования ленинских статей.

Каждая новая эпоха накладывает определенную печать на понимание значения ленинских трудов о Л. Толстом. В каждый следующий период нам приоткрываются новые факторы,

---

¹ Л. Н. Толстой в русской критике. ГИХЛ., М., 1952, стр. 499—500.

свидетельствующие о величии идей статей Ленина о Толстом, об их огромнейшем значении для науки о литературе. Мы попытаемся вскрыть значение статей Ленина о Толстом для нашей сегодняшней борьбы против ревизионизма в современном толстоведении.

Предлагаемая вниманию читателей статья представляет собой сокращенное изложение доклада, прочитанного на межзвузовой конференции, посвященной 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. Статья написана на основе опубликованных работ советских критиков по вопросу борьбы с проявлениями ревизионизма в литературоведении. Автор использовал материалы следующих работ: «Против буржуазных и ревизионистских теорий в литературоведении» («Вопросы литературы», 1958, № 8), «Против ревизионизма в искусстве и искусствознании» (М., 1959); В. Иванов, «За что воюют ревизионисты от литературы?» («Коммунист», 1959, № 2); Д. Ф. Козлов, «Критика современного ревизионизма в области эстетики» (Л., 1960) и др..

* * *

Статьи Ленина о Толстом имеют основополагающее значение для советской науки о литературе. Нельзя успешно решать теоретические и историко-литературные проблемы, не изучив методологических положений, не выяснив ценнейших марксистских выводов, содержащихся в ленинских статьях о Толстом.

Статьи Ленина о Толстом вооружают нас знанием закономерностей литературного творчества. Они позволяют понять природу и характер творчества писателя, закономерные его связи с жизнью и эпохой, уяснить проблему роли мировоззрения для писателя, ценность его наследия.

Марксистский подход к творчеству Толстого, осуществленный впервые Лениным, раскрывает перед нами широкие возможности в изучении теоретических и историко-литературных вопросов. А. В. Луначарский подчеркивал: «Статьи Ленина о Толстом нуждаются в особенно пристальном рассмотрении: они дают во всем главном исчерпывающее истолкование такого гигантского литературного и общественного явления, как творчество и учение Толстого, представляя собой блестательный образец применения ленинского метода к литературоведению». ¹ Ленинские статьи о Толстом зиждятся на марксистской методологии историко-литературных изучений.

Ленинские статьи о Толстом — это целая программа для литературоведов и искусствоведов. Они учат нас партийности в об-

¹ А. В. Луначарский. Статьи о литературе. ГИХЛ. М., 1957, стр. 74.

ласти исследования вопросов литературы и искусства, последовательной борьбе со всякого рода извращениями в области критики. Особенно важное значение ленинские статьи имеют теперь, когда Коммунистическая партия, нанеся удар по проявлениям культа личности и ревизионизма, потребовала от писателей, критиков, литературоведов, работников теоретического фронта партийной принципиальности, беспощадного отпора всяким чуждым идеологическим влияниям. Н. С. Хрущев в своих выступлениях по вопросам литературы говорил: «Развитие литературы и искусства происходит в условиях идейной борьбы против влияний чуждой нам буржуазной культуры, против отживших представлений и взглядов, во имя утверждения нашей коммунистической идеологии».

Мы не были бы марксистами-ленинцами, если бы стояли в стороне, равнодушно и пассивно относились к попыткам претендовать в нашу литературу и искусство чуждые духу советских людей буржуазные взгляды. Надо трезво смотреть на вещи, отдавать себе отчет в том, что враги существуют и они пытаются использовать идеологический фронт для ослабления сил социализма. В этой обстановке наше идейное оружие должно быть в исправности и действовать безотказно».¹

* * *

Главной опасностью на современном идеологическом фронте по-прежнему является ревизионизм.

Ревизионизм в литературе и критике — это не что иное, как выступление реакции, проявление буржуазной идеологии, прикрытой демагогическими увертками.

Современные ревизионисты ведут атаку не только на советскую литературу и искусство, искажая подлинную историю их развития и отрицая основное в них — социалистический реализм, но они избрали предметом своих насоков и русскую классическую литературу. Ревизионисты от Андре Мazona, известного исследователя истории русской литературы, в свое время сделавшего немало полезного для ее изучения, до открытого реакционера-слависта Леттенбауэра — стремятся обеднить русскую литературу, доказать ее полную зависимость от западноевропейского искусства. Положив в основу своих исследований антинаучную «европоцентристскую концепцию», ревизионисты тенденциозно искажают творческий облик величайших русских писателей-реалистов.

Современные ревизионисты представляют в извращенном виде особенно творчество Льва Николаевича Толстого. И это не

¹ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Сборник документов. «Искусство», М., 1958, стр. 38.

случайно. Толстой принадлежит России и русскому народу. Он — самое полное и яркое выражение его дум, чувств, настроений. Толстой — «недосягаемая, величавая вершина» (М. Шолохов), знамя русского реалистического искусства, писатель, широко и полно отразивший эпоху первой русской революции. Вот почему в наши дни реакционные литераторы за рубежом изощряются в нападках на реализм и его великие традиции, изобретают разного рода ультрамодные течения в искусстве, пытающиеся отрицать самое главное в художественном творчестве — его верность действительности, правде жизни, оторвать искусство художника от вопросов мировоззрения. Сторонники подобных течений стремятся внушить ложные представления о наследии Толстого.

Многие представители самых модных ревизионистских школ: «аналитической» школы «новой критики», академической швейцарской школы, югославского «нового искусства» — хотят поднять на щит Толстого-проповедника «религиозного смирения» и «непротивления злу», лишить его творчество реалистической основы, включить его талант в прокрустово ложе субъективистских иллюзий и религиозного дурмана, доказать отрицательную роль мировоззрения для творчества писателя.

Современные ревизионисты во многом повторяют старые концепции исследователей, еще при жизни писателя ставившихся наказать его творческий облик, повторяют зады буржуазно-дворянской науки, стремившейся «подправить» Толстого — врага деспотического строя царской России.

Ленинские статьи о Толстом вооружают нас в борьбе как с буржуазно-дворянской наукой, так и с современным ревизионизмом.

* * *

Для современного ревизионизма характерен антиисторический подход к оценке произведений Л. Н. Толстого.

Особенно это свойственно так называемой «аналитической» школе «новой критики», духовным отцом которой является английский литературовед А. Ричардс. Ее представители начали с провозглашения принципа внимания исключительно к отдельным произведениям, а не к творчеству писателя в целом, а кончили изъятием из литературоведческого анализа социологии и философии. Одно время они так и подходили к творчеству Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой оказался у них вне времени и пространства.

В последнее время эта школа в лице американских представителей стала исследовать чисто художественное восприятие, абстрактно взятое. Американские реакционные литературоведы освободили себя от задачи исследования отображаемой в про-

изведении действительности. Примером тому служит экранизация романа Л. Н. Толстого «Война и мир» американскими киноработниками, разделявшими в своем подходе к творению писателя теоретические установки «аналитиков».

Американский литературовед Рональд Пикок при исследовании произведений Толстого сосредоточивается исключительно на внутреннем психологическом мире самого Толстого и его героев, лишая их связи с порождавшей их эпохой, временем. А сам писатель Толстой предстает у него оторванным от действительности, мистически настроенным и ищущим убежища в религии.

Во всех этих попытках «аналитиков» нетрудно увидеть отголоски писаний буржуазно-либеральных кругов, 50 лет назад говоривших о Толстом, как о «яспополянском отшельнике», «опростившемся барине» с «больной совестью», «угоднике» и «елейном старце».

Несколько иным является подход к Толстому у такого открытого ревизиониста, как Дьердь Лукач (Венгрия). Лукач стремится решить проблему связи Толстого с жизнью по-своему: «своеобразно», «оригинально» и «национально». Льва Толстого он называет «объективным художником», вкладывая в этот термин определенные понятия «партийности» писателя. Толстой для него — писатель, далекий от конкретно-исторической действительности, писатель вне времени и пространства, у которого «любая эстетическая репродукция действительности пропитана эмоциями, причем иными, чем в повседневной жизни».¹ Ресценивая партийность только как проявление эмоций, «темперамента художника», Лукач стал ориентировать венгерских писателей на «реализм вообще», на поклонение художникам прошлого: Шекспиру, Мольеру, Бальзаку и Л. Толстому, которых он представил себе писателями «вообще», вне социальной действительности и конкретной эпохи.

В статьях Ленина о Толстом мы находим четкую марксистскую концепцию связи писателя с породившей его эпохой. В. И. Ленин рассматривает творчество Толстого как отражение русской действительности эпохи подготовки первой русской революции. В анализе его творчества Ленин исходит из теории отражения. Он рассматривает творчество писателя не отвлеченно, а глубоко исторически, «с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее» (т. 5, стр. 179).² «как зеркало русской революции» (т. 15, стр. 179). В статье «Л. Н.

¹ Цитируется по книге «Против ревизионизма в искусстве и искусствознании». «Искусство», М., 1959, стр. 121.

² Здесь и в дальнейшем сноски даются по 4-му изд. собр. соч. В. И. Ленина.

Толстой» Ленин писал: «Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861-1904 годов, Толстой поразительно реельфно воплотил в своих произведениях... черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость» (т. 16, стр. 294).

Ленинская концепция связи Толстого с действительностью вооружает нас, дает нам возможность понять идеалистический характер наскоков современных ревизионистов на творчество Л. Толстого. Нельзя никаким другим изначальным фактором объяснить величие Толстого, кроме как его связью с самой действительностью. Ревизионисты признают «величие» Толстого. Но это величие они объясняют глубоко субъективистски, видя в творчестве Толстого только изначальные личные симпатии и антипатии писателя, взятые ими абстрактно и независимые от жизни.

Вот почему американский ревизионист Эрлих так пространно говорит о «кающемся» Толстом, о его «больной совести», стараясь тем самым лишить его произведения социального смысла. А ведь в свое время В. И. Ленин показал, что Толстой не только отражал действительность, но и выносил ей суровый приговор. Творческая мысль Толстого-художника, содержание его произведений, бичующих самодержавный строй и церковь, определялись, по Ленину, стремлением крестьянских масс снести до основания казенную церковь, помещиков и поместичье правительство, уничтожить феодальное землевладение и на расчищенной земле создать общежитие свободных и равноправных мелких крестьян. «Толстой, — писал Ленин, — отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого...» (т. 15, стр. 185). Ленин видел в Толстом писателя, «который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства» (т. 16, стр. 300).

Стремление ревизионистов лишить творчество Толстого социальной значимости — проявление общих тенденций буржуазно-либеральных кругов Запада и Америки, ведущих борьбу с реалистическим искусством.

* * *

Современные ревизионисты, выступившие в поход против советского искусства, пытаются доказать отрицательное влияние мировоззрения на творчество художника. Тут ревизионисты вытаскивают на свет давно разбитую идею о «свободе» художника, причем, для доказательства своей концепции они ссылаются, как ни странно, на Л. Н. Толстого.

В частности, профессор русской литературы в Смиттовском колледже (США) Элел Мучник в статье «Шолохов и Толстой» старается убедить, что цельное мировоззрение художника только вредит таланту. Так, талант Шолохова, по мнению Элел Мучник, скован тем, что Шолохов обладает неизменными, окостеневшими, нормативными представлениями о добре и зле, об отсталом и передовом. Другое, мол, дело Лев Толстой, у которого происходило «непрерывное обдумывание», осмысление жизни. Причем, Элел Мучник имеет в виду слабые стороны субъективных толкований Толстого. Так или иначе, но Элел Мучник хочет доказать отсутствие у Л. Толстого определенного мировоззрения, которое, якобы, и дает простор для таланта художника.

Может быть, и не стоило возражать реакционному американскому литературоведу, если бы эту точку зрения не поддержали югославские ревизионисты. Особенно усердствует в этом отношении Иосип Видмар, бывший председатель Союза писателей Югославии. Видмар хочет доказать, что мировоззрение и вообще мысль в искусстве не играют никакой роли: все дело лишь в таланте художника. Более того, для доказательства своей нелепой мысли Видмар использует статьи Ленина о Толстом. Видмар искажает смысл ленинских положений. В статье «Из дневника» (ж. «Дело», № 5, 1956 г.) он приводит одну выдержку из статьи Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и приписывает Ленину мысль о том, что великим художником можно быть независимо от мировоззрения.

У Ленина мы читаем:

«Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершиителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях (т. 15, стр. 179).

Было бы грубейшей ошибкой трактовать эти слова как выражение идеи независимости великого художника от идеологии.

На самом деле В. И. Ленин, опираясь на теорию отражения, доказал, что Толстой, живущий в обществе, не мог не иметь определенной совокупности взглядов на мир. Его взгляды порождены объективной действительностью. Толстой мог понимать эту

действительность ошибочно, но он неизбежно при этом отражал какие-то ее стороны. И велик только тот художник, который отразит в своем творчестве наиболее существенные стороны жизни своей эпохи. Именно об этом и говорит приведенная фраза В. И. Ленина.

Видмар и другие утверждают, что мировоззрение не необходимо художнику, что оно лишь сковывает писателя, не дает якобы выразить всю полноту жизни. Югославские ревизионисты, отошедшие от марксизма, выступают против партийности искусства и партийности писателей. Извращая Толстого, они представили его беспартийным, лишенным социально - определенного мировоззрения.

Статьи Ленина о Толстом дают нам возможность увидеть тщетность и ошибочность положений югославских ревизионистов.

В своих статьях В. И. Ленин установил диалектическую зависимость творчества и мировоззрения Толстого, мировоззрения и эпохи.

«Толстой, — писал Ленин, — велиk, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции» (т. 15, стр. 183).

Толстой отражал настроения патриархального крестьянства, испавшего самодержавие, но стихийно боровшегося, не имевшего ясной и четкой политической программы.

Ленин писал о таком крестьянстве: «С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейско-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-городивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу... почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения...

В нашей революции меньшая часть крестьянства действи-

тельно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прощения и посыпала «ходателей»... (т. 15, стр. 183—184).

Эту противоречивость позиций, идей и настроений крестьянства и впитал в себя Л. Толстой. Его мировоззрение было действительно противоречивым. Ленин пишет: «...Противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX в.» (т. 15, стр. 183). И далее: «Противоречия во взглядах Толстого... действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» (т. 15, стр. 183).

Вот почему Толстой, «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик, обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного уточненного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, то есть монархии, а к мечтающим, расплывчатым, бессильным вздоханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат» (т. 16, стр. 295).

Противоречия во взглядах Толстого и противоречия крестьянской психологии аналогичны. Толстой выражал в своем творчестве крестьянскую психологию своего времени. «Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними...

Великое народное море, взъерошившееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого» (т. 16, стр. 323).

Таким образом, уже само определение противоречий Толстого как выражения исторической противоречивости крестьянской психологии указывает на наличие этих противоречий в мировоззрении Толстого.

Видмар и ревизионистыискажают Ленина, когда хотят доказать, что Ленин якобы говорит о противоречии творчества и мировоззрения у Толстого. Ленин никогда не противопоставлял и не отделял Толстого-художника от Толстого-мыслителя. В своих статьях Ленин всегда вел речь о внутренней противоречивости мировоззрения великого писателя и об отражении этих противоречий в его творчестве. Ленин систематически говорил о противоречиях «в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого» (т. 15, стр. 180), «во взглядах и учениях Толстого» (там же, стр. 183), «во взглядах Толстого» (т. 16, стр. 195). Ленин отмечал, что Толстой не мог найти «синтеза ни в философских основах своего мировоззрения, ни в своем общественно-политическом учении» (т. 16, стр. 339). Этого «синтеза» Толстой не нашел и в своей художественной концепции, о чем ясно говорят «кричащие противоречия» его эстетического трактата «Что такое искусство», в котором материалистические положения сочетаются с идеалистическими, обоснование реализма — с определенно антиреалистическими тезисами.

Толстой не достиг такого «синтеза» и в своей художественной практике: талант Толстого развивался и совершенствовался под прямым влиянием его противоречивого мировоззрения, явившегося отражением «в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в преформенную, но дареволюционную эпоху» (т. 16, стр. 295).

Так ленинское понимание мировоззрения Толстого не оставляет камня на камне от ненаучной теории ревизионистов о конфликте между миросозерцанием и творчеством и о независимости таланта от воззрений писателя.

* * *

Сейчас на Западе популярна среди буржуазно-либеральных кругов «европоцентристская концепция», сущность которой сводится к признанию главенствующей роли западноевропейских литератур в развитии всех литератур мира. Эту антинаучную реакционную теорию разделяют и ревизионисты. Так, западногерманский славист Леттенбауэр в «Истории русской литературы» изображает русскую литературу всецело зависимой от западноевропейских влияний. Из большой когорты русских писателей реалистов Леттенбауэр выделяет только Достоевского и Толсто-

го, как писателей самобытных, не поддавшихся «стимулирующему» влиянию Запада. Но что это за «признание» открытого реакционера?! Леттенбауэр «признал» самостоятельность Достоевского и Льва Толстого в создании... религиозных идеалов. В дальнейшем Толстой в его книге предстает только угодником, елейным старцем, проповедником, таким, каким представляли его в свое время толстовцы.

Здесь мы имеем дело с определенным искажением творческого облика выдающегося писателя-реалиста.

В. И. Ленин в своих работах о Толстом, подчеркивая величие писателя, указывал на мировое значение его творчества. Нельзя объяснить величие Толстого его проповеднической деятельностью, его «рецептами спасения человечества», как это делают реакционно-ревизионистские круги Запада. В. И. Ленин еще в 1908 году отвечал подобным фальсификаторам наследия Толстого: «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения» (т. 15, стр 183).

Величие Л. Толстого, по мысли Ленина, заключается не в его моральных проповедях, а в том, что он гениально выразил мысли и чувства «великого народного моря», стремился во всем «дойти до корня», показал величие и силу народного духа, народной любви к родине.

Величие Толстого определяется тем, что «он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протesta и негодования» (т. 16, стр. 293).

Величие Толстого определяется еще и тем, что он «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (т. 16, стр. 293).

Ленин воспринимал Толстого со всеми его «кричащими противоречиями». В этом — своеобразие Толстого, великого реалиста, срывавшего все и всяческие маски, стоявшего на глубоко демократических позициях и кровно связанного с взъяренным многомиллионным морем.

Ревизионисты сознательно закрывают глаза на самые сильные стороны Толстого-художника и Толстого-мыслителя, предпочитая говорить о наиболее слабых сторонах Толстого-мыслителя.

Ленинская оценка величия и мирового значения Толстого вскрывает весь вред ревизионистского механического выпячивания отрицательных качеств Толстого-мыслителя.

* * *

Современные ревизионисты в борьбе против советского искусства становятся на самые крайние позиции, делают самые рискованные шаги, не боясь даже того, что они могут повторить давно разбитые идеи и теории. В своей злопыхательской деятельности они идут на все.

Сейчас ревизионисты встали на путь фальсификации классического наследия. Это их последняя попытка дискредитировать социалистическое искусство. Видя, что искусство социалистической страны развивается и совершенствуется, ревизионисты встали на путь принижения значения передовой эстетической и художественной традиции XIX века, на которую опирается искусство социалистического реализма.

Так, уже упоминавшийся Элеп Мучник в статье «Шолохов и Толстой» исследует не связи творчества Шолохова с наследием Л. Толстого, а, наоборот, устанавливает их «точки расходления». А западногерманский критик М. Виндфур пошел еще дальше: он обвинил советскую художественную культуру в буржуазности. Он рассуждает так: в XIX веке был капитализм, культура — буржуазная, советские же писатели подхватывают и защищают традиции XIX века, значит, они стоят на буржуазной позиции.

По существу «концепция» Виндфура — проявление самой пошлой буржуазной социологии. Вряд ли кто верит в его тезис «буржуазности» социалистической художественной литературы, но мы и здесь имеем дело с открытым отрывом советского искусства от традиций прошлого, традиций русской классической литературы. И ленинские труды о Толстом позволяют нам правильно решить проблему значения традиции и наследия Толстого и выбить почву из-под ревизионистских насоков на социалистическое искусство.

Толстой — общенародный и национальный художник мирового значения. Ленин назвал его «глыбой», «матерым человечищем» в искусстве, рядом с которым некого поставить в Европе. Но в старой России он был известен только меньшинству, хотя бы потому, что большинство было неграмотно.

«Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, катаржный труд и нищету, нужен социалистический переворот» (т. 16, стр. 239).

Социализм дает мощный толчок развитию культуры, он приводит всех граждан к величайшим достижениям науки и культуры. Он воплощает в жизнь идеалы правды и справедливости, во имя которых жил и творил Толстой. Социализм расценивает человека как высшую ценность на земле. А этого жаждал великий мыслитель.

«Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов,—он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования». (т. 16, стр. 293—294).

Ленин отделяет в наследии Толстого то, что отошло в прошлое, от того, что принадлежит будущему. Он пишет:

«Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной земельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и вздоханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком» (т. 16, стр. 297).

Ленинские работы о Толстом помогают нам понять природу и характер ревизионистских концепций по отношению к русской классической литературе и творчеству Толстого. Они вооружают нас марксистским пониманием наследия великого писателя и дают возможность вскрыть идеологическую несостоятельность ревизионистских толкований наследия Л. Толстого.

А. И. ЛАЗАРЕВ,
кандидат филологических наук
(Челябинский педагогический институт)

ПРАВДА ЖИЗНИ И ПРАВДА ИСКУССТВА (к вопросу о реализме Л. Н. Толстого)

Художественное наследие Л. Н. Толстого по праву считается мировой школой литературного искусства. Невозможно себе представить ни русской, ни мировой литературы без Л. Н. Толстого, без его гениального умения проникать в жизнь, без удивительного толстовского умения дать слову поистине пластическую силу. Лев Толстой — это настоящая академия для каждого писателя. Они учатся у великого художника огромному трудолюбию, терпеливой работе над словом, над созданием реалистических, глубоко жизненных образов.

«Толстой никогда не состарится, — говорит Константин Федин. — Он из тех гениев искусства, слово которых — живая вода. Источник бьет неиссякаемо. Мы снова и снова припадаем к нему, и нам кажется — мы еще ни разу в жизни не пили такой прозрачной, чистой, свежей воды».¹

Превыше всего Толстой ценил в художественных произведениях правду. Он неоднократно писал, что герой, которого он любит, которого старается воспроизвести во всей красоте, который всегда был, есть и будет прекрасен, — ПРАВДА. Об этом он писал, заканчивая свой второй севастопольский рассказ, на это же обращал внимание при работе над всеми другими своими произведениями. Создавая ряд вариантов пьесы «Власть тьмы», Толстой, по его словам, стремился к предельному выражению «правды жизни».

¹ «Литература и жизнь», № 66, 7 сентября 1958 г., стр. 1.

Правда жизни для Толстого — главное мерило художественного достоинства произведения. Высоко ценил самобытный талант М. Горького, Толстой часто критиковал молодого писателя за присущую его творчеству манерность повествования, за надуманность некоторых образов. Встретившись раз с Толстым, Горький поинтересовался:

« — Читали вы, Лев Николаевич, моего «Фому Гордеева»?
И тут получил горькую пилюлю.

— Начал читать, но кончить не мог. Не одолел. Больно скучно у вас выдумано. А все **выдумано**. (подчеркнуто мной — А. Л.) Ничего такого не было и быть не может.

— Вот детство Фомы у меня, кажись, не выдумано.

— Нет, все выдумано. Простите меня, что не нравится. Вот есть у вас рассказ «Ярмарка в Голтве». Этот мне понравился. **Просто, правдиво**. Его и два раза прочесть можно.

Горький был озадачен. «Фоме Гордееву» как своему первому крупному произведению он придавал большое значение. Сценку же «Ярмарка в Голтве» считал совершенным пустяком».¹

Здесь не место говорить о достоинствах и недостатках «Фомы Гордеева», о том, прав ли или неправ был Толстой в своей оценке этого произведения. Но хочется отметить, почему Толстой, желая указать на необходимость правдивости в творчестве и простоты в изложении, из всех очерков Горького выделил «Ярмарку в Голтве». Дело в том, что в этом очерке **отразилась сама жизнь**. Читателя охватывает атмосфера украинской ярмарки, он заражается настроением «чоловіков», их ленивым юмором и тяжеловесной веселостью. И не только «чоловіки»... Цыган, еврей, ярославец — все, как живые. Живая, яркая картина, полная воздуха и зноя...»

Вот за что Толстой так высоко ценил этот скромный рассказ Горького — за правду жизни, за верность художественных деталей, за полное соответствие изображения действительности.

Сказанное не означает, что Толстой против выдумки и не допускал художественной фантазии. Известно, что он обижался и сердился, когда его спрашивали, с кого он списал того или иного своего героя. Отвечая Л. И. Волконской на вопрос, кто обрисован в А. Болконском, он писал, что «Андрей Болконский — никто, как и всякоё лицо романиста, а не писателей личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить».² Толстой не противопоставлял правде жизни худо-

¹, В. А. Пессе, Толстой. В кн.: «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», том 2, ГИХЛ, 1955 г., стр. 15.

², Л. Толстой, Полн. собр. сочинений, т. 33, стр. 378.

жественную выдумку. Писатель имеет право на домысел — без этого не мыслимы никакие обобщения. Важно только, чтобы в самой «выдумке» была жизненная основа, чтобы «выдумка» была социально и психологически оправданной.

«Допустим, — говорил Толстой в беседе с В. Поссе, — вы пишите роман и рассказываете в нем, что ваш герой отправился на Северный полюс и, встретив там свою возлюбленную, обвенчался с ней. Выдумка вполне допустимая. Но если вы описываете душевное состояние приговоренного к смертной казни и заставите его думать и чувствовать так, как он при данных условиях не может, то это будет выдумка недопустимая, выдумка вредная».¹

Художественное изображение правды жизни, конечно, не монополия одного Льва Толстого. К правдивому воспроизведению действительности стремились все истинные художники всех эпох и всех эстетических направлений. Вопрос в том, что правда — главный герой Толстого, заостряется нами потому, что именно Толстому удалось изобразить правду жизни с наибольшей силой и глубиной. Это не фраза ради юбилея, это истина, признанная всем миром.

В письме французскому редактору Абу И. С. Тургенев отмечает одно из замечательных достижений «Войны и мира» — точное воспроизведение исторических событий и особенностей характера русского народа. «Война и мир», — писал он, — дает более непосредственное и верное представление о характере и темпераменте русского народа, вообще о русской жизни, чем... сотни сочинений по этнографии и истории».²

Однажды французский писатель и критик Гюстав Лансон сказал, что «русские научили иностранцев тому, что в своих произведениях они могут быть правдивыми, точными и близкими к жизни». При этом Лансон имел в виду прежде всего влияние Толстого, потому что эти слова были сказаны им после прочтения «Войны и мира».³ Ромэн Роллан заявлял: «Я считаю его величайшим мастером жизни в искусстве, мастером искусства живого».⁴

В.И. Ленин, называя Толстого «зеркалом русской революции», по существу говорил о том же — об удивительном умении Толстого просто, точно, как зеркало, отображать жизнь в своих произведениях. В его произведениях, явившихся энцик-

¹ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», ГИХЛ, 1955 г., т. 2, стр. 17.

² Сборник «Толстой в русской критике», ГИХЛ, 1952 г., стр. 297.

³ Цитирую по книге: С. И. Леушева «Роман Л. Н. Толстого «Война и мир», Учпедгиз, 1957 г., стр. 297.

⁴ Там же, стр. 301.

лопедией русской жизни, отразилась целая эпоха — с 1861 года по 1905 год, отразилась быстрая, тяжелая, острые ломка всех «устоев» старой России, уходившей в прошлое. Писатель в своих произведениях обрушился со страстной критикой на царские и капиталистические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян. Своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состояло в том, что она с гениальной силой выразила ломку взглядов самых широких народных масс в России того периода. «Л. Толстой, — говорит В. И. Ленин, — сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе». ¹

Творчество Толстого — вершина критического реализма XIX века. Было бы ошибкой думать, что дело тут только в одном масштабе дарования. Для того, чтобы понять, почему Толстой поднялся на высшую ступень в изображении правды жизни, надо учитывать не только особенности его творческого гения, но и ту эпоху, в которой он жил. Самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок, протест против общественной лжи и фальши, все особенности и черты творчества Толстого связаны с тем, что он жил в эпоху русской революции и в своих произведениях отразил некоторые из ее существенных сторон. «Его мировое значение как художника, — писал Ленин, — его мировая известность как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции». ²

Показав, что мировое значение Толстого как художника, его мировая известность как мыслителя и проповедника отражают по-своему мировое значение русской революции, В. И. Ленин глубоко раскрыл на примере Толстого взаимосвязь социальной практики, исторических условий жизни общества и развития искусства.

Толстой не поднялся в своих взглядах на жизнь до правильного миропонимания и до конца своих дней был чужд марксизму, хотя сам признавался, что «Капитал» Маркса прочитал от корки до корки и «хоть сейчас готов сдавать экзамен по нему». ³ Возникает вопрос: как, при неверных, очень противоречивых взглядах на мир, Толстой умел, как никто, изобразить правду жизни?

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-ое, т. 16, стр. 293.

² Там же.

³ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», 1955 г., т. 2, стр. 13.

В этом нет ничего удивительного. История литературы знает немало случаев, когда под влиянием развивающейся жизни в творчестве больших художников нередко возникают противоречия между тем, что хотел сказать художник, и тем, что выражено в произведении; когда происходит несовпадение исходного замысла и реального результата, авторской оценки образов и их конкретного объективного содержания. И бывает так, что именно эти несовпадения **стражают противоречия самой действительности**, вселяя в творчество больших художников над их собственным мировоззрением, над ученической последовательностью их эпигонов, цепляющихся за «нормы», «правила», сословные интересы.

Вышесказанное не означает того, что Толстой-мыслитель — это одно, а Толстой-художник — другое. Нет, Толстой-мыслитель — весь в Толстом-художнике. Сильные и слабые стороны мировоззрения писателя породили собственно сильные и слабые стороны его произведений.

Роман «Воскресение» был задуман Толстым на тему нравственного возрождения героев — аристократа Нехлюдова и мещанки Масловой. Через весь роман проходит идея, что спасение этих «заблудших» — в их нравственном очищении от «скверны», которой заразило их общество. Последнее обстоятельство, что и Нехлюдов и Катюша стали такими, какие они есть, не потому, что они были плохими от рождения, а потому, что такими их сделало общество, заставило писателя обратиться к глубокому изображению гнусной действительности царской России. В результате этого, роман, задуманный на чисто моралистическую тему, превратился в грозное социально-обличительное произведение. По словам Ленина, в «Воскресении» Толстой обрушился «с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь»¹.

А. П. Чехов, высоко оценивая роман «Воскресение», отмечал в нем наличие сильных и слабых сторон. «Самое неинтересное — это все, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное — князья, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрители. Сцену у генерала, коменданта Петропавловской крепости, спирита, я читал с замиранием духа — так хорошо!»² Получилось так, что о чем хотел писать

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 16, стр. 301.

² А. П. Чехов, Собр. соч., т. 18, стр. 313.